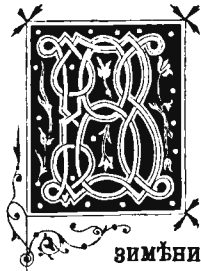

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ КАШГАРЪ ВЪ 1875 ГОДУ.

(Разсказъ очевидца).

О ВРЕМЯ несогласій, возникшихъ въ 1860 году, между Коканомъ и Китаемъ, коканскій ханъ Худояръ послалъ для охраны своихъ границъ войско подъ начальствомъ Якуба-бека, человѣка крайне честолюбиваго и энергическаго. Якубъ-бекъ дѣйствовалъ весьма успѣшно, овладѣлъ обширною провинціей и городомъ Кашгаромъ и, вслѣдъ за тѣмъ, зимѣнивъ своему повелителю, объявилъ себя независимымъ владѣтелемъ. Успѣхъ и безнаказанность породили въ Якубъ-бекѣ такую самонадѣянность, что онъ даже въ дипломатической перепискѣ съ Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ К. П. Кауфманомъ осмѣливался употреблять крайне дерзкія выраженія.

Особенно ненавидѣлъ Якубъ-бекъ своего бывшаго повелителя Худояра-хана и не могъ допустить мысли, чтобы русское правительство сносилось съ Кашгаромъ черезъ Коканскія владѣнія. «Если вы», — писалъ онъ Кауфману, — «хотите имѣть со мною дѣло, то приходите черезъ мою дверь, а не черезъ чужую».

Находя окружный путь на Токмакъ и Нарынъ въ Семирѣченской области неудобнымъ для торговыхъ сношеній съ Кашгаромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая сбить нѣсколько кичливость съ Якуба-бека, К. П. Кауфманъ рѣшилъ, въ 1875 году, послать къ нему посольство, съ настойчивымъ требованіемъ установить прямое сношеніе съ Кашгаромъ по Коканскимъ владѣніямъ.

Удачное исполненіе такого опаснаго порученія всецѣло зависѣло отъ личности посла и выборъ Кауфмана остановился на полков-

никъ М. Д. Скобелевъ, уже пользовавшемся тогда репутаціей храбраго, смѣлаго и ловкаго офицера.

Кромѣ Скобелева, посольство состояло изъ переводчика Чанышева, топографа Руднева и конвоя изъ 12 казаковъ и нѣсколькихъ джигитовъ.

Посольство не достигло своей цѣли по обстоятельствамъ, которыя будутъ изложены ниже; оно едва не погибло и спаслось единственно благодаря необычайной находчивости и храбрости Скобелева. Недавно я познакомился съ однимъ изъ участниковъ этого посольства, Х. А. Чанышевымъ, который въ простомъ, безыскусственномъ разсказѣ сообщилъ мнѣ всѣ подробности событія, котораго онъ былъ ближайшимъ свидѣтелемъ. Разсказъ его настолько интересенъ, что я тогда же записалъ его и теперь съ согласія г. Чанышева рѣшаюсь напечатать въ томъ видѣ, какъ записывалъ со словъ разсказчика.

В. Кулешовъ.

Получивъ отъ генераль-губернатора соотвѣтствующія наставленія и наскоро устроивъ все, что было необходимо для посольства, М. Д. Скобелевъ немедленно выѣхалъ изъ Ташкента. На пути онъ остановился на короткое время въ Ходжентѣ, чтобы выполнить возложенное на него порученіе—выбрать удобное мѣсто для постройки лагеря и занести его на планъ.

Не успѣлъ еще Скобелевъ выѣхать изъ Ходжента, какъ туда прибыло отправившееся изъ Ташкента, 11 іюля, другое посольство, направлявшееся въ Кокань¹⁾ и состоявшее изъ коллежскаго совѣтника Вейнберга, коканскаго посланца при Туркестанскомъ генераль-губернаторѣ Мирзы-Хакима Умидова и нѣсколькихъ казаковъ и джигитовъ.

Проведя здѣсь два дня, оба посольства дальнѣйшій путь къ Кокану продолжали вмѣстѣ. Дорога пролегла по культурной мѣстности; по обѣимъ сторонамъ тянулись сады, прерываемые полями; за кишлакомъ Испарою ландшафтъ измѣнился: началась песчаная степь. Всѣ ѣхали верхами, а позади слѣдовало нѣсколько арбъ съ пожитками и подарками для Худояръ-хана и Якубъ-бека: халатами, европейскими матеріями, часами и другими цѣнными вещами. Къ вечеру того же дня мы прибыли въ пограничную коканскую крѣпость Махрамъ, у воротъ которой насъ встрѣтилъ съ низкими поклонами крѣпостной бекъ²⁾ и самыми изящными выраженіями восточнаго этикета пригласилъ войти въ приготовленное помѣщеніе, гдѣ былъ предложенъ гостямъ чай и дастарханъ³⁾,

¹⁾ Для дипломатическихъ переговоровъ съ ханскимъ правительствомъ.

²⁾ Комендантъ.

³⁾ Туземныя лакомства.

а затѣмъ, не желая насъ стѣснять своимъ присутствіемъ, бежъ удался въ свои покои.

Усталость сказывалась во всѣхъ нашихъ членахъ: проѣхать верхомъ 44 версты подъ палящимъ солнцемъ даже и для привычнаго человѣка дѣло не легкое, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали ужина, который приготовлялъ русскій поваръ, вывезенный Умидовымъ изъ Ташкента.

Запивъ сытный ужинъ европейскими винами, мы легли и уснули крѣпкимъ сномъ.

На слѣдующій день, посольства продолжали далѣе путь. У кишлака Бишъ-арыка начались опять сады и поля, которые не оставляли насъ вплоть до самаго Кокана.

Къ вечеру пріѣхали въ кишлакъ Шахай, гдѣ и ночевали. Топографъ Рудневъ во время пути занимался съемкою проходимой мѣстности.

На третій день, 13-го іюля, мы должны были прибыть въ Коканъ. Въ 6-ти верстахъ отъ столицы, насъ встрѣтили 10 знатнѣйшихъ сановниковъ ханства, верхами, въ черныхъ барашковыхъ высокихъ шапкахъ, кверху суживающихся, съ красными верхушками, въ темно-синихъ кафтанахъ, украшенныхъ серебрянными и золотыми пуговицами, и туземными плечными знаками въ родѣ русскихъ эполетъ.

Одинъ изъ сановниковъ приблизился къ намъ и передалъ Вейнбергу въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, что его высокостепенство Худояръ-ханъ, сердечно радуясь пріѣзду въ столицу дорогихъ гостей (михманъ), послалъ ихъ встрѣтить и привѣтствовать отъ своего имени съ благополучнымъ прибытіемъ. Вейнбергъ съ своей стороны просилъ передать хану отъ всѣхъ членовъ посольства глубокую благодарность за такую любезную и внимательную встрѣчу.

Въ сопровожденіи этихъ сановниковъ мы поѣхали далѣе.

Дорога была выровнена; по обѣимъ ея сторонамъ красовались разсаженные въ симметрическомъ порядкѣ тополя, между которыми пробѣгали быстрые арыки¹⁾; наконецъ, въѣхали въ городскія ворота; на широкихъ улицахъ (чѣмъ Коканъ отличается отъ другихъ азіатскихъ городовъ) встрѣчалось много народу; проѣхавъ нѣсколько улицъ, мы добрались до дома Мирзы-Хакима, гдѣ было приготовлено для насъ помѣщеніе; здѣсь сановники ханскіе распрощались съ нами, и Вейнбергъ еще разъ просилъ передать хану благодарность за встрѣчу. Въѣхавъ въ ворота, мы остановились подъ навѣсомъ, сошли съ лошадей и передали ихъ казакамъ.

Мирза-Хакимъ любезно пригласилъ войти въ домъ, гдѣ для насъ было приготовлено нѣсколько комнатъ съ европейскою мебели-

¹⁾ Оросительныя каналы.

ровкою и со всѣми удобствами; особенно роскошна была азіатская гостиная, обстановка которой могла бы удовлетворить самому требовательному вкусу европейца: стѣны и потолокъ разрисованы и украшены разными лѣпными изображеніями въ восточномъ вкусѣ; зеркала, кресла, диваны и ковры дополняли ея убранство. Къ дому примыкала большая, крытая, устланная коврами терраса, на которой мы обѣдали и пили чай.

Предупредительность, любезность и широкое гостепріимство Мирзы-Хакима оживляли удобства отведенной намъ квартиры.

На второй день по пріѣздѣ, Мирза-Хакимъ представлялся хану и, возвратившись, передалъ Вейнбергу, что его высокостепенство выразилъ желаніе немедленно принять посольство.

Облачившись въ мундиры, что по жаркому времени года было не совсѣмъ пріятно, мы поѣхали во дворецъ; пришлось проѣхать почти половину города и нѣсколько небольшихъ базаровъ; населеніе, видимо, интересовалось нами, но особеннаго расположенія не выказывало.

Подѣхавъ къ дворцу, мы сошли съ лошадей и, вступивъ въ ворота, прошли по двумъ внутреннимъ дворамъ, а затѣмъ, поднявшись по высокой лѣстницѣ, вошли въ переднюю, откуда, по приглашенію перваго министра Атабека, вступили въ длинную большую комнату, устланную дорогими коврами; мебели въ ней не было; къ потолку среди комнаты была прикрѣплена громадная люстра, покрытая бѣлымъ чехломъ; люстры и канделябры виднѣлись и въ другихъ сосѣднихъ комнатахъ.

Ханъ сидѣлъ противъ входа, у лѣвой стѣны, на посланной на полу тигровой шкурѣ; у правой руки его лежала маленькая круглая подушка, на которую онъ могъ облакачиваться.

Поздоровавшись рукопожатіемъ, мы, по приглашенію хана, сѣли по лѣвую его руку: рядомъ съ ханомъ Вейнбергъ, потомъ Скобелевъ, я и Рудневъ; Атабекъ присѣлъ вдали отъ насъ въ лѣвомъ углу; Мирза же Хакимъ остался въ передней и только по знаку хана присоединился къ намъ, но сѣлъ не рядомъ, а напротивъ своего повелителя.

Вейнбергъ, по обычаю, передалъ хану привѣтствіе отъ генералъ-губернатора и просьбу разрѣшить Скобелеву безпрепятственный проѣздъ черезъ ханскія владѣнія въ Кашгаръ. Худояръ изъявилъ свое согласіе и посоветовалъ отдохнуть послѣ утомительной поѣздки и собраться со свѣжими силами. Вейнбергъ благодарилъ хана за любезность и просилъ отъ имени Скобелева дозволенія осмотрѣть его столицу; и на это ханъ далъ охотно свое согласіе. Послѣ обмѣна взаимныхъ любезностей, мы встали и, распрощавшись, вышли; аудіенція продолжалась не болѣе получаса.

Получивъ дозволеніе, Скобелевъ и Рудневъ занялись осмотромъ города, его стѣнъ и укрѣпленій, а мнѣ было поручено приготовить

все къ отъѣзду и распросить у бывалыхъ людей о дорогѣ на Кашгаръ; я старательно упаковалъ всѣ вещи въ тюки, а подарки Якубъ-беку въ яхшаны¹⁾; отъ туземцевъ я узналъ что за городомъ Узгентомъ начинаются Алайскія горы, гдѣ арбной²⁾ дороги не существуетъ, а потому я озаботился придать упакованнымъ вещамъ форму тюковъ, удобныхъ для перевозки верхомъ; для доставленія же тюковъ въ Узгентъ нанялъ 4 арбы.

Когда все было приготовлено къ отъѣзду, Скобелевъ просилъ у хана черезъ Вейнберга прощальной аудіенціи, которая и была разрѣшена. Ханъ пожелалъ ему счастливаго пути и успѣшнаго выполненія порученій, и какъ бы мелькомъ замѣтилъ, что на окраинахъ ханства, вдали отъ городовъ, посольство рискуетъ встрѣтиться съ дикими, варварскими его поддаными, которые по своей грубости могутъ даже ненамѣренно причинить русскимъ непріятности, а потому онъ предложилъ Скобелеву для большей торжественности, а также и безопасности, взять съ собою 100³⁾ ханскихъ джигитовъ⁴⁾. Скобелевъ благодарилъ хана за вниманіе и заботы о посольствѣ, а также и за радушное гостепрѣимство. Затѣмъ, мы попрощались и вышли. Не успѣли еще мы подойти къ дворцовымъ воротамъ, какъ позади насъ раздался окрикъ: «тюря, тюря, толмачъ — тюря»⁵⁾! Я обернулся и увидалъ бѣгущаго и путающагося въ полахъ халата, старика Атабека, который, приблизившись ко мнѣ, крайне взволнованнымъ голосомъ учащенно проговорилъ: «остановите, остановите полковника⁶⁾, желаю съ нимъ говорить». Остановились; Атабекъ подошелъ и просилъ зайти въ его квартиру, которая находилась тутъ же, во дворцѣ, направо отъ главныхъ воротъ.

Мы вошли въ большую комнату, почти во всю длину которой стоялъ столъ, уставленный разными азіатскими лакомствами; Атабекъ засуетился, предложилъ чаю и, подсѣвъ къ Скобелеву, завелъ съ нимъ разговоръ и, между прочимъ, сказалъ: «Хотя ханъ

¹⁾ Дорожные кожаные чемоданы, очень удобные для навьючиванія на лошадей.

²⁾ Колесной.

³⁾ По официальнымъ свѣдѣніямъ, ханъ предложилъ только 20 джигитовъ.
В. К.

⁴⁾ Можно предполагать, что Вейнбергъ зналъ истинный смыслъ этого ханскаго замѣчанія, потому что писалъ въ своемъ донесеніи: «ханъ предупредилъ, что мѣстность за Ушемъ не безопасна вслѣдствіе волненія кочеваго населенія, вызваннаго появленіемъ на Каратегинской границѣ племянника хана Назаръ-бека, бѣжавшаго изъ Бухары и прошлагодняго претендента на Чашканъ Сеидъ-Фудатъ-хана, въ окрестностяхъ Узгента. Противъ этихъ шаекъ были высланы три отряда подъ начальствомъ Исса-Ауліе, Абдурахманъ-автобачи и Сарымсака-ишикъ-агаси, всего до 4 тысячъ человекъ».
В. К.

⁵⁾ Тюря — господинъ, толмачъ — переводчикъ.

⁶⁾ Скобелева.

разрѣшилъ вамъ ѣхать въ Кашгаръ и взять съ собою джигитовъ, но я совѣтовалъ бы отстрочить вашъ выѣздъ на нѣсколько дней, такъ какъ у насъ въ настоящее время на границѣ не совсѣмъ спокойно, появилось нѣсколько каравовъ¹⁾, которые занимаются грабежами; я, конечно, не сомнѣваюсь, что вы благополучно проѣдете, но все-таки, желалъ бы, чтобы вы обождали». Скобелевъ съ горячностью возразилъ: — «Это дѣло пустое; я уже собрался и готовъ къ выѣзду, а потому не желаю медлить; спѣшу скорѣе выполнить возложенныя на меня начальствомъ порученія».

Атабекъ проводилъ насъ до воротъ, и мы возвратились къ Мирзѣ-Хакиму, гдѣ намъ были вручены подарки отъ хана: Скобелеву — нѣсколько халатовъ, 2 осѣдланыхъ лошади и мулъ²⁾, мнѣ и Рудневу — халаты, конвойные же казаки, кромѣ халатовъ, одарены были деньгами. Мы тотчасъ же начали окончательно укладываться и на другой день собирались выѣхать.

Быль у насъ при пособствѣ туземный писецъ, Мирза-Махтумъ, взятый изъ Ташкента; онъ имѣлъ въ Коканѣ много родныхъ и знакомыхъ; желая всѣхъ ихъ навѣстить и повидать, Мирза-Махтумъ по вечерамъ обыкновенно отпрашивался и не ночевалъ въ пособствѣ; возвращаясь изъ своихъ ночныхъ экскурсій, онъ приносилъ въ пособство разные городскіе, базарные толки и слухи, впрочемъ, довольно смутные; по городу носился слухъ, что гдѣ-то въ ханствѣ происходятъ безпорядки, что куда-то ханъ ежедневно отправляетъ батальоны сарбазовъ³⁾ и пушки, но куда именно, неизвѣстно.

Утромъ въ назначенный день нашего отъѣзда, 18 іюля, Мирза-Махтумъ приходитъ и говоритъ мнѣ, что ѣхать намъ нельзя, потому что вся восточная сторона ханства объята востаніемъ; безпорядки начались въ Учъ-Курганѣ, куда былъ посланъ для усмиренія бунтовщиковъ автобачи⁴⁾ съ отрядомъ, но онъ измѣнилъ хану и, требуя одно за другимъ подкрѣпленія, мало по малу перетасилъ къ себѣ всѣ войска, съ которыми находится теперь въ Маргеланѣ и скоро собирается идти на Коканъ; у хана же войска почти не осталось и столицы защитить онъ не можетъ.

Свѣдѣнія, сообщенныя Мирза-Махтумомъ, были весьма важны. Было еще рано; Скобелевъ и Вейнбергъ спали; когда они проснулись, я, въ присутствіи Вейнберга, доложилъ Скобелеву рассказъ Махтума, но онъ отнесся къ этому слегка и сказалъ: — «Это ничего, все-таки пойдемъ». Можно предполагать, что Скобелеву отъ Вейнберга, который ежедневно бывалъ во дворцѣ, было извѣстно то, что Махтумъ общался по смутнымъ базарнымъ слухамъ⁵⁾.

¹⁾ Воръ, вообще безпокойный человекъ.

²⁾ Весьма полезное животное при горныхъ переѣздахъ.

³⁾ Пѣхоту.

⁴⁾ Абдурахманъ - автобачи — знаменитый коканскій полководецъ.

⁵⁾ Это подтверждаетъ самъ Вейнбергъ въ своемъ донесеніи.

Выслушавъ мой рассказъ, Вейнбергъ началъ убѣждать меня отказать отъ поѣздки со Скобелевымъ, говоря, что предпріятіе это очень опасное и врядъ ли намъ удастся сохранить свои головы; что Скобелевъ человекъ одинокій и любитъ опасности, а у меня въ Ташкентѣ остались жена и дѣти; кто же о нихъ позаботится, если я найду себѣ на пути безвременную могилу.

На эту рѣчь я взволнованнымъ голосомъ отвѣчалъ Вейнбергу: «Честь и долгъ службы не позволяютъ мнѣ оставить полковника; генераль-губернаторъ оказалъ мнѣ высокое довѣріе и я долженъ его оправдать, хотя бы трижды пришлось сложить голову; погибну я, Богъ не оставитъ моихъ сиротъ»¹⁾.

Но все-таки выѣздъ былъ отложенъ. Въ городѣ носились разные противорѣчивые слухи; одни говорили, что автобачи приближается къ Кокану, и ханъ не знаетъ, что дѣлать и собирается выѣзжать изъ столицы; другіе, что Скобелевъ уговариваетъ его остаться, предлагая свои услуги руководить защитою города, но ханъ будто бы не соглашается, зная истинное состояніе государства и считая свои силы не достаточными.

Все рассказывалось смутно и не ясно, а дѣйствительности никто не зналъ.

Было не сомнѣнно только то, что въ городѣ готовится нѣчто необыкновенное; жители имѣли видъ озабоченный и встревоженный; базары затворились, товары перевозились въ болѣе отдаленныя отъ центра города мѣста; на всѣхъ перекресткахъ видны были дервиши, вдохновенно и горячо проповѣдовавшіе народу, жадно вслушивавшемуся въ ихъ рѣчи.

21 іюля, вечеромъ, намъ оффиціально было сообщено, что ханъ на слѣдующій день выѣзжаетъ изъ столицы и ему желательно, чтобы мы присутствовали при этомъ выѣздѣ.

Вейнбергъ немедленно сообщилъ русскимъ торговцамъ и купцамъ, чтобы они присоединились къ посольству и выѣхали вмѣстѣ изъ города, такъ какъ имъ можетъ угрожать опасность.

Въ ночь съ 21 на 22 іюля, отъ насъ убѣжали два арбакеша,²⁾ похитивъ часть нашихъ вещей; остались только тѣ арбакеши, которые были лично извѣстны Мирзѣ-Хакиму. Всю ночь гулъ стоялъ надъ городомъ; слышались звуки барабановъ и звонкіе сигнальные рожки.

22 іюня, часовъ въ 9 утра, мы поѣхали ко дворцу. Не доѣзжая еще дворцовой площади, встрѣтили разставленныхъ шпалерами сарбазовъ; пришлось ѣхать среди войскъ; народъ сопровождалъ насъ проклятіями и угрозами; одинъ сарбазъ ударилъ кон-

¹⁾ Очень вѣроятно, что Вейнбергъ этимъ разговоромъ хотѣлъ выпытать настроеніе Чанышева, хотя и русскаго чиновника, но природнаго татарина.

В. К.

²⁾ Возчики.

войнаго казака, который схватился за пашку съ намѣреніемъ разсѣчь голову обидчику, но подоспѣлъ Скобелевъ и предотвратилъ схватку, могшую имѣть для насъ роковой исходъ. На площади между войсками стоялъ цѣлый рядъ арбъ, нагруженныхъ ханскимъ добромъ; народъ кишѣлъ вокругъ, какъ муравьи въ муравейникѣ.

Не имѣя возможности по тѣснотѣ продолжать путь, мы свернули вправо, оставивъ войска налѣво, и подѣхали ко дворцу.

Въ этотъ моментъ ханъ выходилъ изъ дворцовыхъ воротъ; Атабекъ, Мирза-Хакимъ, Молла-Мааруфа и другіе государственные сановники окружали своего повелителя; владѣтель Кокана, оставившій свой родовой дворецъ, былъ, повидимому, спокоенъ; съ четверть часа простоялъ онъ подъ сводами главныхъ воротъ, отдавая послѣднія приказанія; не зналъ онъ, что роковою силою историческихъ событій не суждено ему уже возвратиться въ свой любимый дворецъ, гдѣ каждый уголокъ возбуждалъ въ его душѣ столько отрадныхъ воспоминаній, сладостныхъ тревогъ и волненій; не вѣдалъ онъ, что покидаетъ свою столицу, свой очаровательный Коканъ, навсегда, навѣки.

Столица не знала, куда ѣдетъ ея повелитель; полагали, что онъ отправляется съ войскомъ на встрѣчу автобачи, для того, чтобы побѣдить его или пасть на полѣ битвы. Ханъ вышелъ изъ дворцовыхъ воротъ, медленно приблизился къ небольшой, желтой, сверху обитой бѣлою матеріею, въ китайскомъ вкусѣ, арбѣ, запряженной цугомъ; свита подняла государя подъ руки и посадила въ арбу.

Въ это самое время мы приблизились къ хану. Онъ попрощался и приказалъ Мирзѣ-Хакиму провести насъ къ мѣсту лагерной стоянки войскъ. Мирза-Хакимъ окольными улицами провелъ насъ къ Мугомобаракскимъ воротамъ, гдѣ мы опять повстрѣчались съ войсками, идущими на позицію.

Дорога шла садами, за которыми начиналась степь; здѣсь-то, у опушки садовъ, и была назначена 3-хъ часовая стоянка войскъ.

На мѣстѣ, указанномъ Умидовымъ, мы разбили палатки; недалеко отъ насъ была поставлена ханская палатка, очень большая, покрытая русскою бѣлою матеріею съ синими полосками.

Войска все прибывали и устанавливались, и наши палатки вскорѣ очутились въ срединѣ лагеря, состоявшаго изъ 4 тысячъ пѣхоты при 68 орудіяхъ и 2 тысячъ кавалеріи. Движеніе, суетня, шумъ и крикъ наполняли лагерь; появились маркитанты и устроились маленькіе базарчики; лепешки, чай и «наша»¹⁾ приманивали сарбазовъ. Вдругъ раздался крикъ: «Ханъ кельды! ханъ кельды!»²⁾ и все смолкло; среди войска водворились чинность и спокойствіе.

¹⁾ Вещество, приготовляемое изъ сока конопли; его курятъ въ кальянахъ, какъ опиумъ.

²⁾ Ханъ ѣдетъ! ханъ ѣдетъ!

Вдали показалась ханская арба въ сопровожденіи 1000 махраповъ ¹⁾ въ черныхъ барашковыхъ съ металлическими бляхами шапкахъ и бѣлыхъ кафтанахъ.

Ханъ вошелъ въ палатку; въ лагерѣ все было тихо и спокойно.

Скобелевъ и Вейнбергъ вышли погулять по лагерю и направились вдоль артиллерійской позиціи; вдругъ на встрѣчу имъ вынесся одинъ артиллерійскій офицеръ на большомъ бѣломъ аргамакѣ; онъ скакалъ прямо на нихъ и намѣренно направилъ лошадь такъ, чтобы сбить ихъ съ ногъ; когда же они посторонились, то были встрѣчены дружнымъ смѣхомъ сопровождавшихъ его товарищей.

Возмущенный такою грубостью, Вейнбергъ позвалъ знакомъ меня и приказалъ сообщить объ этомъ случаѣ Атабеку, начальнику артиллеріи и потребовать, чтобы онъ не позволялъ сарбазамъ относиться столь дерзко и неуважительно къ посламъ русскаго государя.

Атабекъ сильно взволновался и въ самыхъ деликатныхъ выраженіяхъ извинялся передъ русскими гостями, обѣщаясь отыскать виновнаго и достойно его наказать. Онъ тотчасъ приказалъ адъютанту позвать кого-то, но въ эту минуту явился посланный отъ хана; Атабекъ засуетился и поспѣшилъ на ханскій зовъ.

Ханъ, крайне взволнованный, ходилъ по своей палаткѣ; халатъ его распахнулся, чалма покосилась на бокъ. Влѣдныи, съ красными глазами, изъ которыхъ падали крупныя слезы страха, а можетъ быть сильной душевной борьбы, повелитель правовѣрныхъ мусульманъ ожидалъ въ страшной тревогѣ своего перваго министра, чтобы объявить ему роковое рѣшеніе; и вотъ вошелъ въ палатку этотъ дряхлый старикъ, «ханское око и ухо», какъ величаютъ его въ одной сартовской пѣснѣ; вошелъ и сталъ въ почтительной позѣ, сложивши руки на груди, чтобы выслушать послѣднее приказаніе своего государя. Ханъ приказалъ ему созвать всѣхъ начальниковъ частей, и объявилъ имъ, что не имѣя возможности собственными силами наказать бунтовщика-автобачи, онъ рѣшился ѣхать въ Ташкентъ просить помощи у генераль-губернатора и надѣется возвратиться оттуда съ русскими войсками; если они желаютъ, то могутъ его сопровождать. Эти слова хана, какъ громомъ, поразили его генераловъ. Какъ! государь правовѣрный, наперстникъ Магомета, повелитель богатаго, славнаго ханства, простиравшагося нѣкогда отъ горныхъ хребтовъ и до самаго моря, наводившаго страхъ и трепетъ на сосѣднія земли, столь позорно покидаетъ свой тронъ и бѣжитъ униженно за помощью къ гяурамъ, злѣйшимъ, вѣковѣчнымъ врагамъ мусульманъ, съ которыми у правовѣрнаго не можетъ быть дружбы, а только хазавать ²⁾, вѣчный хазавать!..

¹⁾ Ханская гвардія тѣлохранителей.

²⁾ Хазавать—священная война.

Не говоря ни слова, они послѣшно вышли изъ палатки и возвратились къ своимъ частямъ. Въ это время я стоялъ возлѣ своей палатки и безцѣльно смотрѣлъ по сторонамъ; въ лагерѣ суета и движеніе: одни ѣдятъ, другіе пьютъ чай, третьи курятъ «наша», нѣкоторые уже накурились до опьяненія и безчинствуютъ. Палатка хана была такъ загромождена со всѣхъ сторонъ арбами, что видѣлась только ея верхушка.

Вдругъ ко мнѣ подбѣгаетъ сарбазъ и скороговоркою, дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ, отчетливо порусски спрашиваетъ:— «Гдѣ палатка Вейнберга?» повторяя этотъ вопросъ нѣсколько разъ. Крайне изумленный русскою рѣчью сарбаза, я отвѣтилъ вопросомъ: «Кто ты? Затѣмъ тебѣ нужно видѣть Вейнберга?» — «Я бывшій русскій солдатъ и служу теперь въ арміи хана; войско возмутилось и васъ всѣхъ здѣсь перерѣжутъ, какъ барановъ; ханъ только что объявилъ генераламъ, что уѣзжаетъ въ Ташкентъ и кажется уже уѣхалъ, а они пошли по лагерю и возмутили противъ васъ войско; я хочу сказать все это Вейнбергу».

Скобелевъ и Вейнбергъ, выслушавъ сообщеніе Евграфа (такъ звали сарбаза), приказали казакамъ тотчасъ же сѣсть на лошадей и приготовиться къ бою, а джигитамъ поскорѣе уложить всѣ вещи въ арбы.

Въ то время, какъ мы этимъ занимались, до насъ донесся пронзительный крикъ, какъ будто рѣжутъ человѣка.

При Скобелевѣ находился джигитъ, юркій, сметливый киргизенокъ Нурлы-бай; онъ его очень любилъ и постоянно бралъ съ собою въ походы ¹⁾. На Нурлы-бая было возложено попеченіе о мулѣ, подаренномъ Скобелеву ханомъ. Этотъ мулъ отвязался, отошелъ отъ нашихъ палатокъ и приблизился къ толпѣ сарбазовъ; Нурлы-бай побѣждалъ слѣдомъ и поймалъ его уже за поводъ, но въ этотъ моментъ подскочили два сарбаза и начали отнимать мула; завязалась неравная борьба; мула отняли и увели въ лагерь. Нурлы-бай поднялъ крикъ и разогорченный, съ заплаканными глазами, долженъ былъ возвратиться къ намъ; онъ не могъ успокоиться и избѣгалъ взгляда Скобелева.

Когда все было уложено, Скобелевъ приказалъ тронуться съ мѣста. Въ лагерѣ замѣтно было необычайное оживленіе и суета; кто запрягалъ лошадей, кто убиралъ палатки; за крикомъ и шумомъ ничего нельзя было разобрать; представлялся какой-то хаосъ. Вдругъ раздалась команда «впередъ» и всѣ сарбазы, кавалерія и артиллерія, съ гикомъ и крикомъ: «уръ, уръ, автобачи» ²⁾ побѣжали въ противоположную отъ насъ сторону; пыль поднялась густымъ облакомъ; невозможно было разглядѣть, что дѣлается.

¹⁾ Потомъ онъ ввязъ его съ собою въ Петербургъ, и въ турецкую кампанію, гдѣ онъ и былъ убитъ.

²⁾ Вей, бей, автобачи.

Не успѣли еще мы тронуться, какъ раздалась другая команда «назадъ» и отбѣжавшія войска повернули и двинулись въ нашу сторону.

Мы поѣхали по ташкентской дорогѣ; впереди двигались двѣ арбы съ вещами, за арбами джигиты, а потомъ Рудневъ и я; Скобелевъ же и Вейнбергъ съ казаками ѣхали въ арьергардѣ. Коканцы открыли огонь, на который мы не отвѣчали. Черезъ полверсты дорогу пересѣкалъ широкій, глубокій, съ крутыми берегами арыкъ; за отсутствіемъ моста, пришлось переѣзжать его въ бродъ; такъ какъ въ двухъ арбахъ мы сложили всѣ тюки, которые предполагалось везти въ четырехъ, то лошадямъ было тяжело и онѣ стали посреди арыка; не смотря на всѣ усилія, мы не могли сдвинуть арбъ; подѣзжаетъ Скобелевъ; я докладываю ему, что арбы завязли и вытащить ихъ нѣтъ никакой возможности. Скобелевъ рѣзко приказываетъ:—«Бросать, теперь не до нихъ».

Арбакеши поспѣшно выпрягли лошадей; успѣли захватить только маленькій чемоданъ Скобелева съ 1,000 рублями, размѣненными въ Коканѣ на тенги (20 к.) для путевыхъ расходовъ на поѣздку въ Кашгаръ и небольшой ящикъ съ пулями.

Отъ арыка дорога шла какъ волокъ.

Жалко было бросать вещи, и, отѣхавъ немного, мы обернулись и взглянули на нихъ въ послѣдній разъ; сарбазы набросились, какъ вороны на падаль, на наши арбы и мигомъ все расхитили. Думая, что мы испугались и спѣшимъ отступить, они открыли сильный огонь и начали настойчиво насъ преслѣдовать; мѣстность имъ благопріятствовала: по обѣимъ сторонамъ дороги тянулись поля джугары¹⁾; пользуясь ея прикрытіемъ, коканцы обступили насъ съ боковъ и сзади; пришлось идти подъ перекрестнымъ огнемъ; пули съ визгомъ пролетали со всѣхъ сторонъ.

Скобелевъ началъ доказывать Вейнбергу, что необходимо защищаться и отстрѣливаться; а онъ ему возражаетъ, что по закону, намъ, какъ людямъ прибывшимъ въ страну съ мирными цѣлями, открывать огня не дозволяется.

Путь нашъ все болѣе и болѣе затруднялся, а ружейные выстрѣлы учащались.

Скобелевъ не вытерпѣлъ, раздѣлил казаковъ на два отряда, по 12 человекъ въ каждомъ, и командовалъ стрѣлять.

Выпустили два залпа и, отстрѣливаясь, отступали. Непріятель преслѣдовалъ насъ въ числѣ 6 тысячъ человекъ, а потому выстрѣлы нашихъ 22 казаковъ не могли удержать его натиска, и онъ напиралъ на насъ все настойчивѣе, осыпая цѣлымъ градомъ пуль; непонятно, какъ эти пули не причиняли намъ никакого вреда; можетъ быть потому, что сарбазы, по обычаю, накурились «наша»

¹⁾ Высокорослое растеніе въ родѣ кукурузы.

и не могли вѣрно дѣлать. Такъ мы шли версты четыре подъ огнемъ, то садами, то полями джугары. На пути повстрѣчался небольшой кишлакъ, гдѣ дорога сѣуживалась и шла между двумя дуванами; на улицѣ не видно было ни одной живой души; всѣ жители разбѣжались. При выѣздѣ изъ кишлака передъ нами вдругъ, какъ изъ земли, выросли два всадника на вороныхъ аргамакахъ, совершенно похожіе одинъ на другого, какъ два брата ¹⁾. Стальные, блестящіе на солнцѣ, щиты и латы защищали ихъ могучія груди и руки, державшія длинныя пики съ кистями изъ конскихъ волосъ; на нихъ были бобровыя шапки съ золотою вышивкою и черныя кафтаны съ бѣлыми пуговицами, перехваченные металлическими поясами, у которыхъ висѣли европейскіе револьверы. Рослые, красивые, бравые, своимъ воинственнымъ видомъ они напоминали средневѣковыхъ рыцарей.

Молодцовато подскакали они къ намъ и объявили, что посланы ханомъ освѣдомиться, благополучно ли ѣдутъ его гости, и что ханъ ждетъ насъ на дорогѣ.

Вейнбергъ поблагодарилъ хана за память о посольствѣ, и гонцы, сопровождаемые джигитами изъ ханской гвардіи, ускакали къ своему отряду.

Между тѣмъ, непріятель неутомимо насъ преслѣдовалъ.

Тогда Вейнбергъ, вопреки желанію Скобелева, предложилъ свернуть съ дороги налѣво, въ степь, въ томъ предположеніи, что, можетъ быть, коканцы преслѣдуютъ не насъ, а хана.

Лишь только мы вышли на открытое мѣсто, какъ насъ замѣтила непріятельская артиллерія и направила пушки. Ядра пролетали сверху и по бокамъ и недалеко разрывались; осколками были убиты приказчикъ купцовъ Каменскихъ и одинъ джигитъ. Миновавъ ружейный огонь, мы сдѣлались мишенью артиллеристовъ; было ясно, что непріятель преслѣдуетъ не только хана, но и насъ; поспѣшно свернувъ направо, мы выѣхали на прежнюю дорогу.

Проѣхавъ версты полторы, мы увидели на барханѣ ²⁾ хана подъ большимъ краснымъ знаменемъ; онъ уставлялъ своихъ махратовъ въ боевой порядокъ и самъ командовалъ: «ұрынғ кұрнамак лярни» ³⁾; когда по ханской командѣ послѣдовалъ залпъ, непріятель нѣсколько смѣшался и скрылся за ближайшей дуванъ.

Ханъ выглядѣлъ храбро и держалъ себя съ достоинствомъ; взглянувъ въ нашу сторону, онъ улыбнулся, неизвѣстно почему.

По соединеніи съ ханомъ, Вейнбергъ отправилъ джигита Мирза-Хакима съ письмомъ къ Ходжентскому уѣздному начальнику и просилъ выслать отрядъ на помощь.

¹⁾ Кажется, они и были братья.

²⁾ Небольшой песчаный холмъ.

³⁾ Бейте незаслуживающихъ моего хлѣба и соли.

За тѣмъ, мы продолжали дальнѣйшій путь вмѣстѣ съ ханскимъ отрядомъ; впереди слѣдовалъ ханскій обозъ изъ 60 арбъ, за нимъ самъ ханъ съ махратами и свитою, къ которой присоединились Скобелевъ и Вейнбергъ; я же и Рудневъ съ казаками, слѣдовали въ арьергардѣ. Преслѣдованіе не прекращалось; дерзость непріятеля особенно была велика тамъ, гдѣ онъ могъ укрыться отъ нашихъ выстрѣловъ за дуваны; казаки храбро отстрѣливались.

День былъ очень жаркій и насъ мучила жажда.

И вотъ мы видимъ, что придворный служитель подаетъ хану чай въ китайской фарфоровой чашкѣ; отвѣдавъ, онъ, по обычаю, кивнулъ головою, и тогда предложили чай Скобелеву, Вейнбергу и другимъ по очереди; всѣ пили чай, не останавливаясь въ движеніи. Оказалось, что въ ханскомъ обозѣ находилась цѣлая подвижная кухня; чай приготавлился во время движенія, и для удобства приготовленіе его было возложено на нѣсколькихъ служителей: одинъ долженъ былъ держать въ исправности самоваръ, другой—воду въ турсукахъ, третій—уголья, четвертый—чашки и т. д.

Такой вкусный чай при столь своеобразной обстановкѣ врядъ ли кому изъ европейцевъ приходилось пить. Еще засвѣтло добрались мы до большого и богатаго кишлака Канибадамъ ¹⁾. Унылые, растерянные, недоумѣвающіе жители стояли на улицѣ и съ любопытствомъ смотрѣли на проѣзжающихъ, привѣтствуя хана обычнымъ «асселамъ алейкумъ». Начинало уже смеркаться, но мы продолжали путь къ кишлаку Бишь-арыку.

Когда стемнѣло, ко мнѣ незамѣтно приблизился одинъ туземецъ и шопотомъ, таинственно поздоровался: «здравствуй, тюря!» Въ темнотѣ я не могъ разсмотрѣть лица незнакомца, и съ удивленіемъ спросилъ:

— Кто ты?

— Я Мухаммедъ Керимъ-бекъ.

— А, ну какъ ты поживаешь?

— Какъ видишь, живъ и здоровъ; ханъ захватилъ меня изъ Кокана и везетъ съ собою; если бы пришлось еще денекъ побыть въ Коканѣ, то меня избрали бы ханомъ: многіе этого желали; и тогда вамъ пришлось бы имѣть дѣло со мною.

— Брось эти пустяки, — отвѣчала я, — и благодари Бога, что тебѣ не отрѣзали головы.

Махаммедъ Керимъ-бекъ былъ близкій родственникъ Худояр-хана; раньше онъ проживалъ со своею старушкою матерью въ Ходжентѣ подъ покровительствомъ и на пенсіи русскаго правительства. До Худояр-хана дошли слухи, что въ столицѣ есть сторонники этого ханенка, стремящіеся возвести его на престолъ; Худояръ послалъ въ Ходжентъ довѣренныхъ людей съ цѣлю вы-

¹⁾ Кан—рудныя залежи-изобиліе,—бадам—миндаль.

красть Керимъ-бека; когда же эта попытка не удалась, онъ просилъ генераль-губернатора для спокойствія ханства выдать этого кандидата на престолъ и, по распоряженію Кауфмана, Керимъ-бекъ былъ доставленъ въ Коканъ сотникомъ Суровымъ; при этомъ ханъ далъ торжественно обѣщаніе, что не причинитъ ничего худого Керимъ-беку.

Когда его привезли въ Коканъ, Худояръ надѣлъ на него почетный халатъ и отдалъ подъ наблюденіе Атабека. Керембекъ былъ еще мальчикъ, очень симпатичный и съ большими задатками; дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна.

Между тѣмъ мы продолжали путь; непріятель не переставалъ насъ преслѣдовать.

Ханскій обозъ былъ навьюченъ преимущественно яхтанами съ серебрянными деньгами; арбныя лошади сильно устали, и одна изъ нихъ, которая везла три яхтана съ тенгами, выбилась изъ силъ и остановилась; понуканія и кнутъ не могли заставить ее двинуться съ мѣста.

Ханъ приказалъ джигитамъ захватить эту арбу; они свернули ее съ дорога, подвязали къ осямъ веревки и начали тащить, но, выбившись изъ силъ, ничего не могли подѣлать; въ это время къ нимъ приблизился аріергардъ нашего отряда. По приказанію Скобелева арбу бросили, чтобы не приостанавливать движенія, такъ какъ непріятель преслѣдовалъ насъ по пятамъ.

Лишь только мы отѣхали немного отъ мѣста происшествія, какъ до насъ донесся смѣхъ, крики восторга и ликованія, наткнувшася на арбу непріятели, который тѣшилс я брошеннымъ нами подаркомъ.

Затѣмъ по необходимости пришлось бросить еще нѣсколько арбъ; это обстоятельство придавало преслѣдователямъ большую энергію и дерзость.

Въ Бишъ-ярыкъ мы пріѣхали уже очень поздно, въ глухую полночь, но жители еще не спали: лавочки и чай-хане были освѣщены огнями; народъ стоялъ на улицѣ со свѣчами въ рукахъ и привѣтствовалъ хана; здѣсь мы сдѣлали остановку, впрочемъ, на самое короткое время; изъ разспросовъ ханъ узналъ, что недавно, не болѣе четверти часа назадъ, черезъ этотъ кишлакъ проѣхалъ на рыскахъ въ Коканъ возмущившійся махрамскій бекъ съ крѣпостнымъ гарнизономъ.

Это случилось къ нашему счастью, иначе мы были бы окружены со всѣхъ сторонъ непріателемъ. Освѣжившись водою, мы двинулись далѣе.

Ночь была безлунная, темная; кругомъ ничего нельзя было разсмотрѣть и только непрекращавшіеся выстрѣлы показывали, что непріятель продолжаетъ насъ преслѣдовать.

Когда стало разсвѣтать, мы оглянулись назадъ и по пыли увидѣли, что непріятель идетъ вслѣдъ за нами.

Но вотъ пыль стала увеличиваться все болѣе и болѣе и быстро приближаться къ намъ. Желая разсмотрѣть, что это такое, мы взобрались на ближайшіе песчаные холмы, и увидали, что не вдали отъ насъ движется очень быстро непріятель какъ бы съ намѣреніемъ сдѣлать нападеніе.

Тогда Скобелевъ скомандовалъ казакамъ стать въ боевой порядкъ; ханъ тоже разставилъ своихъ махратовъ; а обозъ, не оставливаясь, продолжалъ путь далѣе.

Когда непріятель замѣтилъ, что мы его поджидаемъ, то умѣрилъ нѣсколько свой пылъ и остановился, а мы, постоявъ не много, двинулись дальше. Это случилось верстахъ въ 10-ти отъ Махрама.

Наконецъ мы пріѣхали въ Махрамъ, обойдя крѣпость справа; крѣпостныя ворота оказались отвореными; войска не было; стояло только у стѣнъ нѣсколько жалкихъ сарбазовъ. За Махрамомъ находится тѣнистый садъ, гдѣ мы сдѣлали небольшой привалъ, чтобы дать утомленнымъ людямъ и лошадямъ отдыхъ.

Всѣ чувствовали страшную истому; почти 36 часовъ пробыли мы въ сѣдлѣ безъ пищи, отступая подъ непрерывнымъ огнемъ; но такъ какъ на мѣстѣ стоянки не было ни пищи, ни корму для лошадей, то мы, освѣжившись водою, принуждены были ѣхать дальше, хотя день становился все жарче и жарче.

Преслѣдованіе прекратилось и мы двигались, еле передвигая ноги.

Вдругъ впереди со стороны Ходжента показалось густое облако пыли. Это спѣшила къ намъ на помощь сотня солдатъ, посланныхъ Ходжентскимъ уѣзднымъ начальникомъ по нашей просьбѣ, переданной ему джигитомъ Мирзы-Хакима. Помощь запоздала потому, что у барона Нольде не оказалось въ наличности необходимаго числа лошадей, и онъ принужденъ былъ брать ихъ у туземцевъ силою.

Соединившись съ стрѣлками, которыми командовалъ графъ Девьеръ, мы прибыли еще засвѣтло въ кишлакъ Иснесару, гдѣ насъ уже ожидалъ полковникъ Савримовичъ съ 7-мъ линейнымъ баталіономъ и артиллерійскимъ дивизиономъ.

Здѣсь ханъ съ обозомъ остался ночевать, а мы поѣхали въ Ходжентъ, куда прибыли въ сумерки.

На другой день, 24 іюля, послѣ полудня, ханъ со свитою выѣхалъ въ Ходжентъ и былъ встрѣченъ въ домѣ уѣзднаго начальника почетнымъ карауломъ съ музыкою.

Скобелевъ и Рудневъ отправились въ Ташкентъ верхами, а я на почтовыхъ; Вейнбергъ же остался въ Ходжентѣ.

Таковъ былъ эпилогъ нашего посольства въ Кашгаръ.

Горсточка русскихъ людей выказала небывалую храбрость и самоотверженіе и подвигомъ своимъ прославила русское имя; столь велика была уже и тогда сила обаянія Михаила Дмитріевича Скобелева, умѣвшаго вселить къ себѣ довѣріе и поддерживать въ своихъ подчиненныхъ бодрый духъ и мужество.